

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ ПРОСКУРИН

УРАГАН
МЫСЛИ

Вадим Проскурин

То, что не должно происходить

«Автор»

2005

Проскурин В. Г.

То, что не должно происходить / В. Г. Проскурин — «Автор»,
2005

Однажды в мире появилась компьютерная программа, изменяющая сознание людей. Человек, столкнувшийся с этой программой, получал полный контроль над разумом и эмоциями, а моторные навыки, выработанные в компьютерных играх, становились применимы и в реальности. Люди стали умнее, но не стали добрее, и зло, скопившееся на дне души обывателя, выплеснулось наружу. Это было похоже на армагеддон. Прошло несколько лет. Лорд Рэйзор, один из четырех властителей клана Сакура, кажется, получил шанс все изменить...

© Проскурин В. Г., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава первая, в которой я совершаю убийство	5
Глава вторая, в которой я совершаю мелкое хулиганство	12
Глава третья, в которой я напиваюсь до потери памяти	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вадим Проскурин

То, что не должно происходить

Crazy... but that's how it goes
Ozzy Osbourne

Глава первая, в которой я совершаю убийство

Я вышел из дома и стал выбирать маршрут. Это заняло непривычно много времени – почти десять секунд. Я стоял у подъезда, как дурак, и ждал, пока мой компьютер решит, как мне лучше ехать – на трех автобусах или на двух автобусах и метро. Компьютер выбрал три автобуса и посоветовал ускорить шаг – первый должен был вот-вот подойти. Я ускорил шаг, а последние десять метров даже пробежал – лучше немного напрячься, чем полчаса стоять на остановке, ожидая следующего автобуса. Впрочем, в этом случае компьютер наверняка посоветовал бы переключиться на второй вариант.

Я сунул студенческий проездной в щель турникета и вошел в автобус. Как ни странно, были свободные места. Наверное, где-нибудь в трех-четырех кварталах отсюда произошла авария, резко изменившая картину транспортных потоков и этот рейс, ранее бывший неудобным, резко повысил свой статус. Видимо, этим и объясняется повышенная задумчивость компьютера. Еще отсюда можно сделать вывод, что ехать я буду долго. Ну и хрен с ним.

Я сел у окна, хотел было почитать, но передумал и уставился в окно. Автобус проехал метров пятьдесят и уткнулся в пробку. Транспортные пробки – вечная проблема в Москве. Непрерывно строится метро, светофоры постепенно заменяются многоуровневыми развязками, но ничего не меняется. Двенадцать лет назад ввели лицензирование личного автотранспорта, но это тоже ничего не изменило. Если бы не это лицензирование, папа купил бы мне машину, конечно, не Мерседес-300 с электродистанционной системой управления, как у себя, а какую-нибудь развалюху без автопилота лет пятнадцати от роду. Папа начинал с «шестерки» и до сих пор считает, что первая машина должна быть похожа на ведро с гайками. А еще он считает, что в мои 18 лет можно начинать зарабатывать деньги самостоятельно. В общем-то он прав, но учиться и работать одновременно очень неудобно, а когда семья не бедствует и нет прямой необходимости в моем личном заработке, – просто глупо. Это все американские идеи, которых он нахватался в полете (папа произносит это слово очень значительно – ПОЛЕТ).

Мой папа – бывший космонавт. Он не любит этой формулировки, говорит, что космонавты не бывают бывшими, но он летал в космос последний раз еще до моего рождения. Он был бортинженером в первой экспедиции на Марс. Когда я был маленьким, я этим очень гордился, и почти все товарищи по детскому саду мне завидовали. Когда мне было пять лет, я даже дал интервью какому-то журналисту. Ничего дельного я, естественно, не сказал, только перечислил свои любимые сказки, подтвердил, что люблю маму и папу, и прочитал стишок про бычка. Сам я всего этого не помню, но мама очень любит вспоминать тот случай.

Сейчас то, что я – сын космонавта, вызывает только вежливый интерес. Прошло почти двадцать лет, на Марс летали вторая и третья экспедиция, ничего интересного там так и не нашли, и оказалось, что Марс никому не нужен. Папа потом летал еще один раз, но это был обычный рейс «Юрия Гагарина» на МКС-6. А потом врачи обнаружили у папы в организме что-то совсем не опасное, но не позволяющее летать в космос. С тех пор он читает лекции в Звездном Городке, и, судя по тому, что ему доверяют только первый и второй курс, лекции он читает не очень хорошо. Но зарплату и пенсию платят вовремя, а больше ему ничего не нужно. Мама говорит, что одно время он много пил, а потом перестал. Теперь он почти все

время живет на даче, пытается вывести новый сорт каких-то цветов с непроизносимым названием. Почти половина его зарплаты уходит генетическим лабораториям, но мы все равно не бедствуем.

Автобус проехал-таки перекресток и разогнался до 80 км/ч. Те участки дороги, которые каким-то чудом не забиты транспортом, надо проезжать как можно быстрее, это естественно. Я поправил галстук. Лет десять назад вернулась мода на строгие костюмы, мне она очень не нравится, но ничего не поделаешь. Если я приду к Маринке в потрепанном джинсовом костюме, как папа раньше приходил к маме, Маринка просто обидится – сейчас в джинсах по городу ходит только шпана. Вот и приходится терпеть неудобства.

Я зевнул, отвернулся от окна и мысленно обратился к компьютеру. Перед глазами появилась раскрытая книга, невидимая ни для кого, кроме меня. Дело об исчезнувшем дьяволе. Несмотря на идиотское название, книга вполне читаемая. Я углубился в чтение.

* * *

Я добрался до дома Маринки только через полтора часа. Мне пришлось даже позвонить ей (то есть связаться с ней через компьютер), предупредить, что задерживаюсь. Я подошел к подъезду и прислонил большой палец к сканеру. Домофон сообщил мне, что я имею гостевой доступ в квартиру #252, и я вошел в подъезд, расписанный местными наркоманами сверху донизу.

Я поднялся на 32-й этаж, позвонил в дверь, дождался, пока Маринка ее откроет, и вручил ей цветы, которые купил, пока ждал третий автобус. Пять обычных трансгенных роз по червонцу цветок. Их главное достоинство в том, что отличить их от натуральных аналогов, стоящих вдесятеро дороже, может только специалист. Маринка сразу догадалась о происхождении цветов, но не подала вида, а довольно натурально изобразила смущение от дорогого подарка и даже чмокнула меня в щеку. Я обнял ее за талию и поцеловал в губы. Она вырвалась и убежала на кухню доделывать какое-то свежеприготовленное блюдо. Интересно, почему девушки так стремятся показать всем, что они хорошие хозяйки, особенно если в доме есть кухонный комбайн полного цикла? Я бы предпочел обойтись пищей с пивом, но сегодня придется есть многочисленные салаты, приготовленные одним нажатием кнопки.

Мы с Маринкой знакомы уже больше года, столько времени мы учимся в одной группе на ВМК МГУ. Если кто не знает, ВМК означает Высшая Математика и Кибернетика. Говорят, пятнадцать лет назад это был самый популярный факультет МГУ, теперь он сдал лидерство биофаку.

В прошлом году, когда я окончил школу, папа хотел, чтобы я поступил в летное училище, большинство родителей хотят, чтобы дети повторили их судьбу. А я не хотел быть летчиком или космонавтом, я хотел быть хакером. Сейчас, когда я лично знаком с тремя настоящими хакерами, я понимаю, как много было в этом желании от наивных мечтаний неоперившегося юнца, но тогда все было очень серьезно. Мы с папой долго и сильно ругались, папа все-таки заставил меня подать документы в училище имени Чкалова, но, к счастью, медкомиссия оказалась на моей стороне. Ничего угрожающего здоровью, просто моя нервная система совершенно не поддается внешнему управлению. В этом нет ничего плохого, это даже необходимое условие для поступления, например, в училище спецназа имени адмирала Мазура, но пилотировать самолет, а тем более космический корабль, с такой нервной системой нельзя.

Когда мы познакомились с Маринкой, она сразу мне понравилась. Нельзя сказать, что она произвела неизгладимое впечатление, ни в ее лице, ни в фигуре, ни в поведении нет ничего примечательного. Милая девочка небольшого роста с неяркой, но ладной, фигуркой, тихим голоском и очень-очень обаятельной улыбкой. Неглупая, но и не блещущая особо большим умом. Не страшная, но и не красавица. Просто очень милая и обаятельная молодая девушка.

Пока мы учились на первом курсе, мы почти не общались – было не до того. Конечно, можно учиться в университете, посещая менее четверти всех занятий и вообще не делая домашних заданий, но я никогда не любил быть троечником. И еще мне не нравится, что при таком образе жизни вероятность быть отчисленным с первой сессии составляет около двадцати процентов. Немного, но лучше снизить ее почти до нуля.

Весь первый семестр я посещал почти все занятия по всем предметам, кроме истории российского государства. На этой истории я чуть и не погорел. Старый маразматик с удивительно подходящей к его предмету фамилией Бухарин на первом же занятии потребовал конспектировать труды российских исторических деятелей, первоисточники, как он их называл, причем конспектировать рукописным способом. В эпоху телепатической связи с компьютерами, когда даже набивать текст на клавиатуре большинству людей кажется утомительным, переписывать от руки целые страницы из книги в тетрадь кажется не просто маразмом, а непроходимой глупостью. Однако в декабре все мои однокурсники, матерясь, отрабатывали рукописный почерк. Не избежал этой участи и я, но я подошел к решению задачи творчески. Во-первых, я писал конспект умышленно плохим почерком. Во-вторых, я писал его так, чтобы трудно было понять, где текст, а где заголовок. И, в-третьих, текст в моих конспектах нигде не соответствовал оригиналу. Если взять какой-нибудь труд Сталина и везде заменить слово «социализм» на слова «вертикаль власти», получается текст, отдаленно похожий на речи Путина. А труды коммунистов, как ни странно, гораздо легче найти в интернете, чем какие-либо еще социологические материалы. Всего за четыре дня я исписал около тридцати страниц (вместо 100—150 в других конспектах), и сдал зачет в числе первых. Больше никому не удалось обмануть Бухарина. Он пресекал попытки выдать чужой конспект за свой, выдать за рукописный текст распечатку шрифтом script, и уж тем более прийти на зачет с половиной конспектов. Все мне завидовали, но повторить мой опыт или взять мой конспект никто не решился.

Первая сессия прошла, учиться стало не то чтобы проще, но привычнее, и оказалось, что помимо учебы остается еще много свободного времени. Многие мои однокурсники устроились работать, я же решил, что отвечать на письма и звонки потенциальных клиентов во второсортной торговой фирме или, тем более, продавать пирожки на улице – работа не для меня. А серьезную работу первокурснику никто не предложит. Я стал проводить много времени с двумя одноклассниками – Егором и Пашкой. Отец Егора был полковником ФСБ, отец Пашки – бизнесменом средней руки. У обоих водились карманные деньги, и оба не хотели работать по той же причине, что и я. Мы пили пиво и играли в преферанс и белот. Во всех трех занятиях я заметно уступал своим друзьям, и через пару месяцев мне стало с ними скучно, как и им со мной. Потом Пашка завел себе девушку, бабу, как он говорит, и практически откололся от нашей компании. Еще пару месяцев мы с Егором развлекались питием пива с последующей культурной программой в виде совместного заигрывания в Master of Orion VIII или Су-77, а потом наступила вторая сессия, которая сдалась куда проще первой. Лето я провел на даче, непрерывно страдая от скуки, и к концу августа это чувство стало у меня доминирующим. От скуки я пару недель назад начал клеиться к Маринке, и сегодня дело, кажется, близится к логическому завершению.

* * *

Оказывается, Маринка неплохо готовит. Конечно, большую часть работы проделал кухонный комбайн, но запрограммировать его так, чтобы получившаяся еда была не только съедобной и вкусной, но и оригинальной – целое искусство. Салатов, к счастью, оказалось всего два, а на горячее была пицца, и не стандартный полуфабрикат, а настоящая домашняя собственнореприготовленная пицца. Из напитков присутствовал светлый «Старопрамен», я бы предпочел темного «Афанасия», но и «Старопрамен» я могу пить без отвращения.

Разговор не клеился, как оно обычно бывает в таких случаях. Мы давно знакомы, но наше знакомство до последнего времени не выходило за пределы совместного посещения лекций и семинаров, да обсуждения трудностей сдачи очередного зачета очередному препода. Говорить об учебе как-то глупо. Говорить о личных интересах друг друга – вряд ли Маринку развлечет история про то, как я, перебрав у Егора, позвонил домой предупредить, что задерживаюсь, и проблевался, можно сказать, в прямом эфире. А какие интересы у Маринки – я, честно говоря, вовсе не знаю. Проще всего было бы сразу отправиться в постель, собственно, за этим я сюда и приехал, и по Маринке видно, что она не против, но ритуал есть ритуал. Я не хочу быть похожим на поручика Ржевского, а она не хочет быть похожа на девку с Тверской, вроде той, которая месяц назад лишила меня невинности и вроде бы (тьфу-тьфу-тьфу) ничем не заразила.

Короче говоря, мы сосредоточенно пережевывали пиццу, запивая ее пивом, и говорили о разных пустяках вроде того, что погода сегодня ничего, и скоро около этого дома построят очередную пятьсот какую-то станцию московского метро, и что Маринка хотела бы завести собаку, но с ней некому гулять, в общем, как говорят американцы, бла-бла-бла.

Доев пиццу, я придвинулся к Маринке и, как бы невзначай, обнял ее за плечи. Она не оттолкнула меня и даже не вздрогнула, она по-прежнему сидела с задумчивым видом, разглядывая полупустой стакан «Старопрамена». Я погладил ее по дальнему от меня плечу, наклонился и поцеловал в то место, где ближнее ко мне плечо переходит в шею. Она слегка вздрогнула и повернула голову, чтобы мне было удобнее. Я несколько раз поцеловал ее в то же место, а потом, набравшись смелости, повернул ее голову к себе и поцеловал Маринку в губы. Маринка ответила на поцелуй, и мне показалось, что она целуется более умело, чем я. Через некоторое время, трудно точно сказать, сколько времени прошло, я набрался наглости поласкать грудь моей подруги. Она отстранилась (сейчас выгонит, подумал я), посмотрела мне в глаза и лаконично сказала:

– Пошли!

И мы пошли в спальню. Маринка разбирала диван, а я, совсем осмелев и чуточку обалдев, любовался ее видом сзади и время от времени поглаживал ее по заднему месту, не забывая при этом говорить комплименты.

Маринка вскоре управилась с диваном, обернулась, подошла ко мне, обхватила меня руками за шею, откинула голову назад, прелестно взмахнув гривой длинных и густых волос, и сказала:

– Ты очень милый, только очень стеснительный.

Я покраснел. Маринка рассмеялась и прижалась ко мне, прогнув спину, как кошка. Мы снова целовались, и мои руки бродили по ее телу. Когда наши губы наконец разъединились, она спросила:

– Ты как предпочитаешь предохраняться?

– Против презерватива не возражаю, – ответил я, опять смутившись, но стараясь этого не показывать. Если твой сексуальный опыт измеряется одним разом (виртуальный секс не в счет), о предпочтениях говорить не приходится. Это просто некорректно с математической точки зрения.

– А справка у тебя есть? – спросила Маринка как бы в шутку, но ясно было, что она не шутит. Неудивительно – пусть вакцина от СПИДа существует уже много лет, и говорят, что где-то в Японии испытывается вакцина от R2, но от R3, а тем более от R4, нет ни вакцин, ни лекарств. Приходится остерегаться.

– Конечно, – сказал я. – Показать?

Маринка рассмеялась.

– Не надо, я тебе верю. Если хочешь, можешь не пользоваться презервативом, и не волнуйся насчет меня, у меня обратимая стерильность.

Дальше все прошло самым наилучшим образом. Вопреки затаенным опасениям, я оказался на высоте и Маринка, пусть и не кончила, но не осталась недовольной. Потом мы долго валялись в постели, пили пиво, разговаривали о пустяках, но это уже не напрягало, я даже рассказал ей, как звонил домой от Егора, а она только рассмеялась, и тут же рассказала мне, как перебрала на дне рождения подруги и провела полночи в ванной над тазиком. Потом наступило время второго раза, потом мы сидели на кухне, и в одиннадцатом часу вечера я поехал домой. На прощанье Маринка крепко поцеловала меня и сказала, что день прошел прекрасно. Презервативом, кстати, я так и не воспользовался.

* * *

Я вышел на улицу в самом радужном настроении. То, что только что произошло, нельзя даже сравнивать с моим первым сексуальным опытом. И почему, интересно, проститутки пользуются таким спросом?

Я взял в ларьке бутылку пива и в этот момент компьютер сообщил мне, что до прибытия автобуса остается менее двух минут. Я поспешно открыл пиво, бегом припустил к остановке, стараясь не облиться, и успел-таки на автобус.

Не помню, о чем я думал, пока ехал домой. Скорее всего, ни о чем. Мозг радостно перебирал воспоминания прошедшего дня и не испытывал нужды в каких-то там мыслях. Пиво быстро убывало, ночной пейзаж за окном действовал усыпляюще, потом пиво закончилось, и я задремал.

Меня разбудили громкие мужские голоса. Я оглянулся и увидел, что заднюю часть автобуса оккупировали человек восемь молодых людей примерно моего возраста. Спортивные костюмы, бритые головы, зрачки как точки. Интересно, как героиновые наркоманы видят в темноте с такими зрачками? Я отвернулся к окну, и это было моей ошибкой.

Пару остановок молодые люди громкогласно и неразборчиво разговаривали о чем-то веселом. Потом двое совершили путешествие к кабине водителя и обратно, пошатываясь и задевая пассажиров, которые упорно не замечали расшалившуюся молодежь. Скорее всего, никто из них даже не вызвал милицию. Затем внимание молодежи привлек я.

На сиденье рядом со мной шлепнулся небритый полноватый юноша лет двадцати в грязно-серой куртке и с блатными татуировками на руках. Когда он повернулся ко мне, пахло нечищеными зубами. Он спросил:

– Слушай, б@#, пацан, а вот этот, на х@#, пиджак на тебе, он, б@#, дорого стоит?

Я мысленно обругал себя, что не связался с милицией, понадеявшись на бабок, которых ехало в автобусе целых трое, и все три внимательно смотрели в окно. Я попытался сделать вызов сейчас и получил несильный, но чертовски болезненный тычок в печень.

– Давай, давай, мудило, – радостно ощерился бандит. Я понял, что у кого-то из них есть глушилка радиосигналов. А значит, это не просто обдолбанные хулиганы. Это обдолбанные бандиты.

Я сидел, молчал и не знал, что делать. Радостное настроение моментально улетучилось. Драться? Один против восьми – без шансов. Звать на помощь? Кто тут поможет? Впереди наблюдалось двое крепких мужиков, но связываться с такой толпой они не станут. Я впал в полнейшую прострацию.

На сиденье передо мной плюхнулись еще двое юных гопников – один по виду мой ровесник, приплюснутые уши выдавали в нем боксера, причем не любителя виртуальных единоборств, а самого натурального боксера, отточившего навыки мордобоя в ободранном спортзале заплеванной и загаженной школы одного из районов муниципальной застройки. Второму было от силы лет четырнадцать, маленького роста, белобрысый, с маленькими бесцветными глаз-

ками, он явно испытывал наслаждение от нового для себя зрелища. В таком возрасте очень-очень интересно наблюдать, как старшие друзья собираются бить мажора-ботаника.

Маленький смотрел на меня любопытно, боксер – презрительно. Внезапно толстая рука с мягкими пальцами ухватила мое ухо и повернула мою голову направо, к бандиту, который уже с полминуты что-то вещал.

— **, ****, ***** *****, *****? — поинтересовался хозяин руки. — **, *****, ***** * **, *****, **, ** **, ***** *****, ***_****, *** *****, — он засмеялся, схватил второй рукой меня за нос и начал его мотать из стороны в сторону. Сидящие передо мной заржали.

Я не понимал, что на меня нашло. Вместо того, чтобы начать орать, звать на помощь, давить на психику, размахивать руками, вспомнить, в конце концов, опыт виртуальных побоищ «Мортал комбата», я неподвижно сидел, как пришибленный, и не только ничего не делал с издевающимися надо мной хулиганами, но и не хотел ничего делать. Мне казалось, что все происходит не со мной, а в каком-то другом мире, и я смотрю в этот мир через виртуальный экран моего компьютера с отстраненным интересом, как в фильм, и никто, кроме меня, не видит того, что происходит.

Тем временем толстый схватил меня за волосы, встал с сиденья, подняв и меня, и от души ударил меня между скулой и челюстью. Я упал на сиденье, и непонятное отупение перешло в следующую стадию. Я пристально посмотрел в героиновые глаза и сделал что-то, пока непонятное мне самому. Человек в грязно-серой куртке уменьшился, отдалился и через считанные мгновения схлопнулся, как будто камера, через которую я смотрел фильм из другого мира, быстро и резко отъехала назад, да так далеко, что кадр фильма превратился в точку, которая исчезла. Я перевел взгляд на боксера, его глаза были широко раскрыты, нижняя челюсть медленно, как в замедленной съемке, отпадала вниз. Я сделал то же самое, мне показалось, что в моем черепе между полушариями мозга включился насос (или, наоборот, брандспойт?), который выбросил или всосал что-то плотно-жидкое, ядовито-белесое и в то же время нематериальное. Когда нематериальная жижа достигла боксера (снаружи или изнутри, спереди или сзади — этого я не понимал, и это было неважно), словно незримая пелена отделила его тренированное тело от окружающего мира. Оно больше не принадлежало этому миру, его подернула рябь, оно уменьшилось, отдалилось и схлопнулось. Я заметил, что рот боксера успел раскрыться в беззвучном крике. И еще я заметил, что через этот раскрытый рот нечетко, как через матовое стекло, видна передняя часть автобуса. Я повернулся к малолетнему ублюдку, тот успел вскочить и отпрыгнуть на шаг назад, но не закричал, наверное, подумал, что это «западло». Зря. Я в третий раз включил свой нематериальный насос, движение мальчика ускорилось, и его не стало.

Я обернулся назад. Бандиты, их осталось шесть, а не пять, как мне показалось вначале, сидели, сложив руки на коленях, и смотрели на меня, как прилежные ученики-первоклассники на новую учительницу. У тощего парня лет семнадцати с длинными волосами и жидкими усиками выпала изо рта сигарета и сейчас его синтетическая куртка начинала тлеть, но этого никто не замечал, даже хозяин куртки. Я оглянулся назад, на мгновение перестав верить в то, что только что удалил из бытия (да чего уж там? убил) трех человек. Мне показалось, что эта троица стоит сзади меня, копит злобу и готовится ударить. Но сзади никого из тех троих не было, ближайшие люди сидели метрах в шести и пристально смотрели в окна. Никто из них ничего не заметил. Я повернулся обратно, притихшие хулиганы все так же неподвижно сидели в прежних позах. Насос в моей голове вяло шевельнулся, но я не поддержал его движение. Я колебался, левое полушарие моего мозга, где, как говорят, рождается все, что выразимо словами, будто бы умерло, а в правом полушарии прыгали, словно теннисные мячики, какие-то мысли/желания/эмоции, которые нельзя описать словами по определению.

В этот момент автобус остановился, двери открылись, и я вышел в темноту.

* * *

Автобус уехал. Пассажиры проводили меня любопытными взглядами, хулиганы – все теми же неподвижными. Я стоял на совершенно незнакомой мне остановке на совершенно незнакомой улице и не знал, что делать. Я провел рукой по лицу – ничего не сломано, а значит, серьезных повреждений нет. Начал формироваться синяк, но через час он рассосется, так и не успев проявиться во всей красе. Все-таки хорошая вещь гениальная инженерия – простейшая генетическая коррекция и все мелкие ссадины, синяки и царапины заживают как на собаке. Мне сделали эту коррекцию в семь лет, как и большинству мальчиков. Помню, как папа удивился ее эффекту и сказал, что, когда он был маленьким, такого не было, и мальчики вели себя прилично, потому что боялись, что им попадет за синяки от родителей. А теперь, говорил папа, дети могут ходить хоть на голове, и родители не узнают об этом, пока ребенок не сломает шею. Я тогда поинтересовался, как можно ходить на голове, и папа начал мне объяснять, что такое поговорки.

Сейчас я подумал, что папа был прав. Если бы мое тело оставалось неизменным с момента рождения, я бы вернулся домой с таким фонарем под глазом, что вряд ли удалось бы отделаться сказкой вроде поскользнулся-упал-очнулся-гипс.

Как бы то ни было, сейчас я могу вернуться домой, не опасаясь, что мой внешний вид вызовет у мамы истерику. Я запросил у компьютера оптимальный маршрут до дома. Он предложил либо подождать от 22 до 28 минут на остановке, либо двигаться ориентировочно 36 минут в северо-западном направлении (перед глазами появилась светящаяся линия, указывающая, куда идти), и там сесть на автобус другого маршрута, который довезет меня до места назначения на три минуты быстрее. Я выбрал второй вариант. Я запоздало подумал, что сегодняшнее происшествие, вероятно, совсем скоро привлечет внимание московской милиции, а может быть, и ФСБ. Меня будут долго и упорно искать, а когда найдут, начнут исследовать. Их будет интересовать, как я делаю то, что я делаю, меня запрут в какой-нибудь подземной засекреченной лаборатории, будут снимать энцефалограммы, томограммы и хрен знает какие еще граммы. Я подумал, что вряд ли меня когда-нибудь выпустят из такой лаборатории и мне стало нехорошо. Потом я вспомнил старый, еще двумерный, фильм про девочку, воспламеняющую взглядом, и мне стало совсем плохо.

Я затравленно оглянулся и, как и следовало ожидать, не обнаружил ничего подозрительного. Внезапно я ощутил, что оцепенение прошло, и адреналин хлынул в кровь бурлящим потоком. Меня затрясло, я даже пожалел, что не курю (когда я выпью, я иногда покуриваю, но сигарет с собой не ношу). Одновременно я ощутил сухость в глотке. Я знаю, со стороны это выглядит глупо, но всегда, когда я испытываю сильное нервное потрясение, мне жутко хочется выпить. Если провести аналогию между мозгом и компьютером, можно сказать, что когда операционная система перегружена и вот-вот подвиснет, ей очень хочется перезагрузиться. А мозгу в аналогичной ситуации хочется нажать на кнопку shutdown, которая у людей расположена в желудке и нажимается внушительной дозой алкоголя. Я запросил у компьютера местонахождение ближайшего ларька и целеустремленно двинулся вдоль линии, заботливо выведенной компьютером на мой виртуальный дисплей. Поразмышлять о том, как жить дальше, можно и потом.

Глава вторая, в которой я совершаю мелкое хулиганство

Понедельник – день тяжелый, особенно когда первая пара в понедельник – лекция по матану. Матан – это математический анализ. Глупое, ничего не объясняющее название, весь мир называет это *calculus*, то есть исчисление, и пусть этот термин тоже ничего не объясняет, он, по крайней мере, лаконичнее и изящнее.

В лекции по матану, на первый взгляд, нет ничего тяжелого, как и в любой другой лекции в наш просвещенный век. Сидишь в зале, лектор ходит взад-вперед у доски, которая правильно называется «проекционный экран», и на которой, повинуясь телепатическим командам лектора, сменяют друг друга формулы и рисунки. Математики почему-то не любят слова «чертеж» и называют чертежи исключительно рисунками. Предполагается, что студенты следят за рассуждениями лектора и не только записывают текст лекции в свою внешнюю память, но и постигают некую суть и откладывают эту суть в своей внутренней памяти, то есть непосредственно в мозгу. На практике же понимать смысл лекции в реальном времени можно только тогда, когда ты уже знаешь излагаемый материал. Математика тем и отличается от других наук, что все рассуждения строятся на пределе возможностей мозга, не зря кто-то сказал, что математику стоит учить, потому что она развивает мозги, и не зря на соседнем мехмате, где мозги студентов развиваются еще более интенсивно, время от времени то одного студента, то другого увозят в психушку.

А самое противное на лекции – это то, что ты постоянно чувствуешь, что вот-вот поймешь глубинный смысл шаманских заклинаний, написанных на доске, и одновременно чувствуешь, что этот смысл от тебя ускользает. Многие студенты даже не пытаются слушать лектора, они полностью записывают его выступление во внешнюю память, и разбираются в этой записи потом, когда находится свободное время. А на лекции они полностью переключаются на виртуальный мир, слушают музыку, смотрят фильмы, разговаривают друг с другом, играют в карты и в шахматы, ходит даже байка про двух студентов, которые занимались на лекции виртуальным сексом, и их подергивающиеся тела радовали всех окружающих, кроме пожилой женщины-лектора. Я тоже пробовал уходить в виртуальность во время лекции, но эта идея не оправдала себя – времени на усвоение материала требуется заметно больше, чем если честно слушать, что говорит лектор. А самое плохое в этой технике то, что времени на осознание курса может вообще не найтись, и тогда участи троечника или даже двоечника не избежать.

Я приехал в университет в довольно мрачном расположении духа. То, что произошло вчера, произошло на самом деле. Это был не сон, я убедился в этом утром, *ликвидировав* с помощью своих новых способностей собственное свеженаложенное дерьмо. Я подумал, что какой-нибудь молодой ученый из фильма для молодежи ужаснулся бы такому цинизму – использовать столь великое открытие, чтобы не нажимать кнопку слива – ужас! Но тут ничего не поделаешь – вот такой я циничный, кому не нравится, могут со мной не общаться. Короче говоря, внутричерепной насос сработал безупречно и через секунду унитаз блестел и был абсолютно сухим. Я удивился, почему унитаз не исчез вместе с дерьмом, и понял три вещи. Во-первых, дерьмо удалялось *сквозь* унитаз, который, как известно, непрозрачен. Непонятно, как такое вообще может происходить, особенно после того, как увидишь это своими глазами. Во-вторых, я понял, что могу уничтожать вещи избирательно, при уничтожении одного предмета окружающие его предметы остаются неизменными. И, в-третьих, я осознал, что мне следует планировать свои эксперименты более тщательно, если я не хочу устроить дома прорыв канализации. Позже я добавил к этим откровениям четвертое – при удалении предмета из мате-

риальной вселенной не ощущается никакого дуновения воздуха, стремящегося занять освободившееся место.

Идя к автобусной остановке, я очистил от мусора урну, встреченную по дороге. Другую урну я попытался ликвидировать, сохранив на месте лежащий в ней мусор, но это не удалось. Возможно, урна была пуста, а возможно, при ликвидации контейнера его содержимое автоматически ликвидируется заодно с ним. Я подумал, не стоит ли ликвидировать пару ворон, и решил, что не стоит. Вороны мне не сделали ничего плохого, и уничтожать их только ради научного опыта показалось мне непозволительной жестокостью.

По дороге в университет я еще три раза попрактиковался в своих новых способностях, уничтожив бумажку, валяющуюся на тротуаре, пустую бутылку из-под водки и пустой шприц, очевидно, из-под героина. После этого я решил, что не стоит уподобляться дворнику, и больше ничего не уничтожал. Только один раз, уже в автобусе, я поймал себя на мысли, что неплохо было бы уничтожить особо наглую бабку, разоравшуюся из-за того, что ей не уступила место молодая девушка, по-моему, беременная. Потом я стал думать о других вещах, и, когда я вошел в лекционный зал, я чувствовал себя уже не персонажем фантастического рассказа, а обычным человеком.

Маринка сидела, как обычно, в третьем ряду, и увлеченно разговаривала с подругами. Меня она не заметила, а я не стал ни подходить к ней, ни связываться через компьютер по телепатической связи, ни, тем более, орать через весь зал. Я занял свое место в предпоследнем ряду и стал ждать, когда появятся Егор с Пашкой. Ни один из них на этой лекции не появился.

Ровно в 9:00 Иван Моисеевич (так зовут нашего лектора по матану) вошел в зал и начал вещать. Сегодня он продолжал излагать доказательство очередной теоремы векторного анализа, примечательной тем, что ее формулировка занимает около килобайта, а доказательство началось почти в самом начале прошлой лекции, и конца ему все еще не видно. Мне стало скучно.

Я раскрыл виртуальный экран и начал развлекаться. Я скопировал на его поверхность доску вместе с лектором и стал улучшать картинку. Я пририсовал Ивану Моисеевичу пейсы и ермолку, а затем приступил к нарисованному на доске. Центральное место там занимал трехмерный цилиндр, который на самом деле был попыткой наглядно представить его $m+n$ -мерный аналог. Попытка неудачная. Я чуть-чуть подправил очертания цилиндра и он стал похож на мужской половой член. Далее я заменил формулу, размещенную под картинкой после слова «следовательно», на нецензурные слова. Я стер все, что было написано ниже, и вписал в освободившееся пространство несколько набивших оскомину рекламных лозунгов на тему безопасного секса вроде «даже когда все очень классно, эта мелочь защитит вас». Оглядев получившийся коллаж, я сохранил его во внешней памяти. Надо будет показать Егору, да и Маринке, должно быть, понравится. Под конец вчерашнего вечера она перестала изображать хорошо воспитанную юную девушку и рассказала пару неприличных анекдотов, так что не думаю, что это произведение искусства ее шокирует. Я свернул экран и посмотрел на доску. Ничего не изменилось.

Я смотрел на доску и ничего не понимал. То есть, я все понимал, но отказывался поверить в то, что я все правильно понимаю. Членоподобный цилиндр и все, приписанное к нему, красовалось на доске. Иван Моисеевич отчаялся удалить с доски эту гадость телепатическими командами и сейчас яростно копался в преподавательском столе, видимо, пытаясь найти пульт ручного управления проекционным экраном. Когда он поднял голову, я увидел, что ни пейсов, ни ермолки на его голове не появилось. И то хорошо.

Иван Моисеевич выбежал из зала, сверкая вспотевшей лысиной. Я сосредоточился. Мне показалось, что я ощущаю около доски какую-то чужеродную ауру, что-то вроде изолирующего поля в восьмом «Орионе». Я напрягся и смахнул эту ауру взмахом невидимой руки, растущей откуда-то из моей головы, вероятно, из центра мозга, оттуда же, где размещается мой немате-

риальный насос. Картинка на доске мигнула и начала судорожно меняться, как будто доска опомнилась и, словно пытаясь загладить свою вину, начала выполнять команды, которые она так долго игнорировала.

Студенты бурно радовались, естественно, все подумали, что старшекурсники опять засадили вирус в институтскую сеть. Я тоже изобразил на лице улыбку.

Минут через пять Иван Моисеевич вернулся в лекционный зал, скептически посмотрел на доску, восстановил изображение цилиндра, который теперь был идеальной геометрической формы, стойчески не заметил смеха в аудитории, и продолжил лекцию, как ни в чем не бывало. Некоторое время то в одном конце зала, то в другом раздавались сдавленные смешки, потом они прекратились. Лекция шла своим чередом.

* * *

В перерыве я подошел к Маринке.

– Привет! – сказал я.

– Привет!

– Вчера все прошло замечательно.

– Еще бы, – она улыбнулась, – Доехал нормально?

– Ага.

– Интересно, кто это сделал? – она показала на доску. – Не ты? Ты же у нас хакер, – Маринка рассмеялась. Я вымученно улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Какой я, на фиг, хакер? Мне еще учиться и учиться.

– Ученый ты мой, – сказала Маринка.

Я собрался с духом:

– Ты что делаешь сегодня вечером?

– Уже соскучился? Нет, сегодня ничего не выйдет, я занята. Боюсь, до субботы ничего не получится.

– Мои в субботу, наверное, уедут на дачу. Можешь заехать ко мне.

– Ну уж нет! Ты мужчина, бегать по девочкам – это твоя забота. А я слабая женщина, я боюсь ездить ночью в общественном транспорте.

Да уж, подумал я, есть чего бояться.

– Может, сходим куда-нибудь, – предложил я, – в кино там или еще куда.

– В ресторан «У Максима». Не надо, Игорь, не грузись, твоя культурная программа меня вполне устраивает, – она приблизила свое лицо к моему и заговорщически прошептала, – Ты прекрасно трахаешься.

Не ожидал. Я покраснел и пробормотал что-то невразумительное вроде того, что я всегда рад сделать приятное такой замечательной девушке и не стоит мое искусство таких комментариев, и вообще я не волшебник, а только учусь. Маринка сказала на это, что мне надо побыстрее становиться волшебником, и тогда она подарит мне совсем неземное наслаждение, короче, мы мило проболтали о пустяках весь перерыв, а на следующей лекции, когда я связался с Маринкой по телепатической связи, она передала мне желание, чтобы я ее не отвлекал, и больше мы с ней в этот день не разговаривали.

* * *

Ни Егор, ни Пашка так и не появились в университете. Я не стал им звонить, я хотел побыть один, и сразу после занятий поехал домой.

Когда я провожу вечер дома, я обычно сразу проваливаюсь в виртуальность и выхожу из нее только поужинать и справить естественные надобности. Я не люблю делать полное погру-

жение – во-первых, при частом использовании это утомляет, а во-вторых, вид меня, валяющегося на кровати и не реагирующего на внешние раздражители, действует маме на нервы. Поэтому я обычно раскрываю виртуальный экран в полупрозрачном режиме и, пребывая в виртуальности, сохраняю контакт с реальным миром. Но сегодня я не стал раскрывать экран, я лег на кровать и стал смотреть в потолок и думать о том, что со мной происходит.

Я не слишком хорошо разбираюсь в современной физике, но даже мне ясно, что научно объяснить мои способности вряд ли возможно, ничего похожего в мире еще не было. Впрочем, в «Орионе» есть устройство под названием «фазовый генератор», которое позволяет удалять предметы из реального мира в «другую фазу», а затем возвращать обратно. Замечательная вещь в ближнем бою – когда истребитель, оснащенный фазовым генератором, приближается к тяжелому кораблю противника, он «пульсирует», то есть постоянно переключает «фазы». И пока истребитель пульсирует, он большую часть времени физически находится вне пределов вселенной и неуязвим для любого оружия противника. Нужно только не забывать время от времени выныривать обратно, чтобы не потерять ориентацию, и чтобы альтернативная фаза не стала основной. Еще фазовый генератор можно применять в качестве боеголовки торпеды – сблизившись с кораблем противника, генератор перебрасывает окружающее пространство в случайно выбранную фазу и самоуничтожается. Если корабль не успел просчитать параметры фазового перехода, обратно в нашу вселенную ему не вернуться. А чтобы просчитать переход было труднее, генератор делает сразу несколько переходов, а команду на самоуничтожение дает в процессе одного из них. Короче, фазовый генератор – это самое лучшее оружие для космического боя, жалко только, что оно появляется в самом конце игры, и построить много фазовых генераторов просто не успеваешь.

Но, как бы то ни было, считать, что у меня в голове завелся фазовый генератор – это безумие. К тому же, это не объясняет, как я смог превратить нарисованный цилиндр в нарисованный член, заблокировать все каналы управления доской, а потом вернуть все обратно и снять блокировку. Можно представить себе, что у меня в голове завелись одновременно сразу два разных устройства (или органа?), делающие сверхъестественные действия двух разных видов, но это не может быть правдой, таких совпадений просто не бывает. То, что появилось в моей голове – это, скорее всего, что-то одно, что умеет и удалять предметы из мира, и вмешиваться в работу компьютеров. Что это может быть – я просто не представляю.

Откуда это взялось у меня? Насколько я себя помню, я всегда был совершенно обычным мальчиком и не выделялся среди сверстников ничем особенным. Да, я немного странный, но все люди немного странные, в моей нынешней группе есть по меньшей мере пять человек, намного более странных, чем я. В фильме про девочку, воспаляющую взглядом, эта девочка, когда была совсем маленькой, случайно поджигала свои игрушки и обжигала мамыны руки, я же до вчерашнего вечера никогда ничего взглядом не уничтожал. Непонятно.

Ну хрен с ним, с этим даром (или проклятием?). Подумаем, как жить дальше. Опыт первого применения моего внутримозгового насоса показал, что теперь я могу не бояться шпаны на улицах. Конечно, убивать людей нехорошо, но хулиганы сами нарываются на приключения. Какая разница, чем я убил тех троих – нематериальной жижой или пистолетной пулей? Они должны были допускать, что у ботаника, мирно дремлющего у окна, в кармане лежит пистолет с боевыми пулями, а значит, мой поступок не нарушает правил игры. Они знали, на что шли, но не учли неизвестный фактор, и потому проиграли. И в общем случае не обязательно в случае необходимости уничтожать человека целиком, достаточно ликвидировать его одежду, в крайнем случае, пару зубов. Впрочем, он может вытащить пистолет из кармана и убить меня на месте, испугавшись, что я ликвидирую его целиком. Нет, получается, что насос в драке надо применять в полную силу. Какой-то полицейский из какого-то фильма говорил «достал пистолет – стреляй». Я подумал, понравилось ли мне то, как я избавил Москву от трех бандитов, и решил, что нет. Не исключено, что раззявленный рот, через который видно окружающие пред-

меты, будет регулярно сниться мне много лет, может быть, даже всю жизнь. Впрочем, прошедшей ночью мне не снилось вообще ничего.

Что еще я могу сделать? Если бы я был бандитом-мокрушником, передо мной открылись бы поистине безграничные возможности. Подходишь к инкассаторской машине, заглядываешь внутрь, спокойно ликвидируешь всех, кто внутри, забираешь сумку с деньгами, и так же спокойно уходишь. Или уезжаешь, все инкассаторские машины оборудованы автопилотами, а сломать защиту автомобильного компьютера вряд ли намного сложнее, чем превратить одним взглядом нарисованный цилиндр в нарисованную похабщину. Впрочем, это надо проверить.

Я ужаснулся своим мыслям. Я лежу на диване и спокойно, не мучаясь угрызениями совести, планирую преступление, и не просто преступление, а ограбление с убийством, и не с одним убийством, а с тремя-четырьмя. Нет, так поступать нельзя. Внутренний голос спросил меня, почему так поступать нельзя, но я послал внутренний голос в известное место и стал думать о другом.

Как можно повернуть мои способности в мирное русло? Что я могу сделать, если можно так выразиться, в народном хозяйстве? Уничтожить баржу с радиоактивными отходами? Я не уверен, что моих сил хватит на это, кстати, надо проверить, насколько большие объекты я могу ликвидировать. К тому же, в фантастических рассказах все герои, обладающие необычными способностями, обязательно страдают от побочных эффектов этих способностей. Я прислушался к своим ощущениям и решил, что пока ни от чего не страдаю. Голова не болит, живот не болит, никаких высыпаний на коже нет, что там еще бывает? Никакой необычной усталости тоже не чувствую. Наверное, я необычный супергерой. Это определение меня рассмешило. Я вспомнил мультфильм про Чипа и Дейла, где в Дейла попал метеорит и он стал супергероем, научившись прыгать в высоту на несколько сотен метров. Я представил себе, как я летаю над городом, покрикивая загробным голосом «Я – ужас, летящий на крыльях ночи!» (или это из другого мультфильма?) и мне стало совсем смешно. Но мой смех был немного истерическим.

Что делают хорошие супергерои? Помогают несчастным, обиженным и т. д. Несерьезно. Еще бывают белые маги и святые целители, которые, если верить их рекламе, тоже по сути супергерои. Они исцеляют разные болезни. Может, и мне попробовать? Я представил себе, как даю в газету рекламу: праведный юноша, которому в задницу попал метеорит, удаляет раковые опухоли, ликвидирует излишки жира, и выдирает больные зубы без боли и без наркоза. Я оборудую в каком-нибудь подвале темную комнату, обставленную в этаким эзотерическом стиле, надену искусно застиранную рясу, подпоясанную веревкой, и буду лечить бизнесменов от импотенции с помощью молитвы. Я неожиданно обнаружил, что мурлыкаю себе под нос песенку про то, как у целителя в палец врос ноготь и потому целитель облажался. А что, в качестве молитвы эта песенка вполне подойдет, мелодия благозвучная, ритм размеренный, торжественный и чуточку тревожный, главное, чтобы посетитель не знал английского. Но те, кто ходит к целителям, вряд ли знают английский.

Через некоторое время я заснул, так ничего и не решив. Мне приснилось, что я летаю над ночным городом, но не в черном плаще, а совсем голый, как булгаковская Маргарита, и не на метле, а просто так, и при этом летает не тело, а только душа, а тело лежит на кровати и спит. И над городом разносится женский голос, низкий и грудной, но тихий и ласковый, который бесконечно повторяет одну и ту же фразу на неизвестном мне языке. Я не понимаю языка, но понимаю смысл фразы.

Охотник за тенью восстает.

Глава третья, в которой я напиваюсь до потери памяти

Вторник – день неинтересный. Во вторник у меня всего три пары, из которых первая – практическое занятие по информатике, вторая – лекция по философии, а третья – практическое занятие по алгебре. На вторую пару ходить не нужно – все, что говорит лектор, есть в учебнике. На первую сходить можно, но по информатике я лучший в группе, и препод это прекрасно знает. От того, что я прогуляю эту пару, ничего плохого не случится. Из-за одной третьей пары ехать в университет глупо, но, с другой стороны, что делать дома? Поэтому я поспал подольше и поехал к третьей паре.

Когда я уже подходил к центральному входу, навстречу мне вышли Егор с Пашкой. Мы поздоровались.

– На пару решили забить? – спросил я.

– Пары не будет, – ответил Пашка, – Мистер Бин заболел.

Мистер Бин – это наш семинарист по алгебре. Он вовсе не англичанин, мистер Бин – это не фамилия, а прозвище, он очень похож на того дурака, которого изображал английский комик начала века. Не внешне, внешне они совсем непохожи, но некая непередаваемая тормознутость их очень роднит. Я не сразу узнал, откуда пошло это прозвище, а когда узнал, целую неделю смотрел старые двумерные фильмы с мистером Бином и ухахатывался. Потом еще около трех недель просмотр этих фильмов был в нашей компании обязательной культурной программой при распитии спиртных напитков, а потом они (фильмы, а не напитки) надоели.

– А он, что, SMS заранее разослать не мог? – возмущенно спросил я.

– Урод он, – ответил Пашка, казалось бы, ни к селу, ни к городу, но мы друг друга поняли.

Пашка закурил, Егор тоже. Из нас троих я один некурящий, из-за чего надо мной регулярно подтрунивают. Впрочем, я тоже иногда покуриваю, когда выпью.

– Куда подадимся? – спросил я. Когда я ехал на пару, мне совершенно не хотелось пьянствовать, но сейчас мысль о том, чтобы сразу тащиться обратно домой в переполненном троллейбусе, вызвала резчайшее отвращение. Видимо, мои друзья были со мной солидарны.

– Вначале посидим в беседке, а там посмотрим, – предложил Егор.

Беседка – это летнее кафе около метро «Университет». Кроме пива и закуски к нему там ничего не продается, пиво не самых лучших сортов, но недорогое, а самое главное – это то, что в беседке играет нормальная музыка. Не оглушительная попса и не тюремный рэп про то, как девушка изменила юноше, а юноша перепрограммировал автопилот на автомобиле девушки, и теперь девушка в могиле, а юноша на Колыме, ах-ах, жизнь загублена, но жалеть меня не надо, потому что я – крутой пацан. В беседке всегда тихо играет блюз. Водка под него не идет, но водка здесь и не продается, а пиво пьется просто замечательно.

Мы взяли по две кружки «Мадам Бочкиной» (лучше здесь все равно ничего нет), и уселись за свободный столик подальше от стойки. Егор аппетитно отхлебнул, закурил очередную сигарету и поинтересовался у меня:

– Игорь, ты вчера в универе был?

– Был. Ничего интересного. Если не считать того, что поломали проекционный экран во втором зале, вообще ничего интересного.

– И куда лекцию перенесли, когда экран сломался?

– Да куда ее не перенесли. Я же говорю, не сломался экран, а поломали. Вначале все было, как обычно, а потом с доски исчезли все формулы, а вместо них сплошной мат и реклама, и там еще в углу был цилиндр нарисован, к нему яйца подрисовали.

– Какая реклама?

– Ну там «только наши гондоны защищают от R3» и все такое.

– Уроды, блин, – констатировал Егор, – если уж кто-то такой умный, чтобы поломать сетку, мог бы придумать что-нибудь поинтереснее. Вот когда сервер ди Каприо поломали...

– Кого? – включился в разговор Пашка.

– Ди Каприо. Ну, этот актер голливудский, который еще играл Ломоносова в старости. Так вот, когда его сервер поломали, туда такую классную порнушку положили, любо-дорого посмотреть. Или когда на сервер православной церкви повесили баннер «здесь был Сатана». Там этих баннеров внизу столько, что этот новый админы углядели только через месяц. А до этого они только удивлялись, что это посещаемость так резко возросла. Вот это круто! А эти, блин, хакеры, потрут все на хрен, напишут «здесь был Вася» и думают, что они самые крутые. Они бы лучше базу данных подправили, оценки там, стипендии.

– Может, и подправили, – я попытался защитить репутацию неизвестных, но глупых хакеров.

– Тогда тем более уроды. Теперь админы всю базу данных пересерстят, если туда кто и влез, настучат декану и отчислят на хрен или вообще ментам сдадут.

Некоторое время мы пили молча. Потом Пашка спросил:

– Игорь, а ты, говорят, к Маринке клеишься?

Я почему-то смутился.

– Кто говорит?

– Люди. Так что, правда клеишься?

– Какая, на хрен, разница? Ну, клеюсь, допустим, и что с того?

– Правда, она классно трахается?

– С чего ты взял?

– Значит, плохо трахается?

– Да нормально она трахается.

– В рот берет?

– Да иди ты!

– Берет, Игорь, *** ***, берет, – многозначительно сказал Егор, – Ты что, не знаешь, где она подрабатывает? Она проститутка виртуальная.

– Да не *****!

– Да *** ***. Я думал, ты знаешь.

– Откуда? И ты откуда знаешь?

– Она Ленке Пуховой по пьяни проболталась по осени. А Ленка, ты сам знаешь...

Это я действительно сам знаю. Если кто у нас в группе и проститутка, так это Ленка.

– Да Ленка болтает сам знаешь что, у нее язык как помело, а мозгов нет. Ты больше слушай, что она несет. – Я подумал. – Да не может Маринка быть проституткой, ей же еще 21 года нет.

– Такие дороже ценятся. К тому же отца у нее нет, мать инвалид, живет на одну пенсию, двоим на нее не прожить, вот Маринка и зарабатывает, как может.

– Так ты же говоришь, она виртуальная. Кому какая разница, сколько ей лет на самом деле, у нее же все нарисовано, когда она трахается. Возьмут бабку девяноста лет, нарисуют тело, какое надо, бери и пользуйся. Все равно в виртуальности никогда точно не знаешь, кого трахаешь, ты же сам говорил. Так зачем брать в бордель малолетку, если пользы от нее столько же, сколько от старухи, а проблем больше?

– Сейчас в борделях новая услуга появилась. Приходишь, тебе показывают девочек, реальных, ты выбираешь, кого хочешь, проваливаешься в виртуальность, и там трахаешь, кого выбрал. Это чтобы клиент был уверен, что он трахает действительно красивую молодую бабу, а не уродливую старуху.

Я ничего не знал об этой услуге, но раз Егор говорит, что такое бывает, значит, такое бывает. В вопросах, связанных с проститутками, Егор – признанный специалист. Это он уго-

ворил меня съездить на Тверскую и снять ту бабу, что лишила меня невинности. Я уже поверил в то, что сказал Егор, но продолжал сопротивляться, надеясь каким-то уголком души, что это все – дурацкая шутка. Чувство юмора у Егора очень своеобразное. Мне пришла в голову неожиданная мысль:

– Так что мешает этим деятелям показать клиенту реальную девочку, а в виртуальности одеть старушенцию в ее тело и вперед? Девочки отдельно, проститутки отдельно.

– Пару раз такое, может, и пройдет, а потом кто-нибудь узнает и хозяевам такого борделя братки яйца поотрывают. Если собрался обманывать клиентов, нет смысла устраивать такую сложную процедуру, проще открыть обычный виртуальный бордель.

– А почему малолетки там дороже ценятся? Я имею ввиду, если предъявляют девчонку и говорят, что она малолетка, она же паспорт не показывает, проще найти девицу, которая молодо выглядит, и подкладывать желающим. А если в борделе работает настоящая малолетка, это же какой геморрой можно огрести.

– Можно огрести, а можно и не огрести. Если с ментами все схвачено, огрести большой геморрой не так уж и просто. К тому же, если заведение дорожит репутацией, у них все по-честному, они за счет этого берут больше денег с каждой девицы. И если в таком заведении работает малолетка, так это настоящая малолетка, и стоит она, как положено, в четыре раза дороже, чем обычная баба. Вот если подкладывать клиентам совсем сопливых, ну там лет двенадцати, вот тогда геморрой можно заработать очень легко. Ладно, Игорь, не грузись, в реале она не работает, так что заразу ты не подцепишь. Пойдем лучше пулю распишем.

Мы поехали домой к Пашке, по дороге взяли пива – три двухлитровые бадьи, закуски брать не стали, Егор с Пашкой считают, что пиво в закуске не нуждается. Мне было не то чтобы грустно, но странно. С одной стороны, я действительно клеил Маринку, не ухаживал, не завоевывал, а именно клеил. Никто из нас ни разу не говорил о любви, само собой подразумевалось, что ничего, кроме хорошего секса, нас друг в друге не интересует. Но, с другой стороны, разговор оставил какой-то неприятный осадок. Неужели я начинаю влюбляться?

* * *

Обычно среда – день обыкновенный и ничем не примечательный. Но не эта среда.

Я проснулся около восьми утра от жажды. Я открыл глаза и обнаружил, что нахожусь не дома. Оглядевшись по сторонам, я понял, что лежу на полу маленькой комнаты Пашкиной квартиры, в непосредственной близости от дивана, с которого, очевидно, скатился во сне.

Пошатываясь, я поднялся на ноги. Пить надо меньше. Я посмотрел на кровать, там дрыхли мои друзья – Пашка у стены, Егор у края. У Егора есть дурацкая привычка – когда пьяная компания ложится спать кто куда, Егор любит разбежаться, подпрыгнуть и упасть в центр дивана, где уже спят двое. При этом один из спящих укатывается к стене, а второй падает на пол. Скорее всего, этой ночью Егор залег спать именно таким образом, а я настолько нажрался, что даже не проснулся. Я хотел было рассердиться, но передумал – вначале надо утолить жажду.

Я сходил на кухню и утолил жажду водой из-под крана. Так делать не рекомендуется, в московской воде, судя по вкусу, больше хлорки, чем воды, но когда ты только что проснулся после нехилой попойки, такие мелочи мало волнуют. Судя по интерьеру кухни, мы вчера не ограничились пивом, и перешли на водку. Одна из водочных бутылок оказалась наполненной до половины чем-то красным. Я удивился и отхлебнул. Это оказалось вино, совершенно непонятного сорта, но вкусное. Я отхлебнул еще и подумал, что неаккуратный опохмел приводит к длительному запою и что длительный запой мне совсем не нужен. Я поставил бутылку обратно на подоконник, взял со стола пачку сигарет и закурил. Вообще это очень вредно, но сейчас

сигарета мне просто необходима. В голове слегка помутилось, но это странным образом прояснило мои многострадальные мозги.

Мысли бестолково прыгали в голове, как это всегда бывает с похмелья. Я нашел на столе пулю и посмотрел итоговый счет. Я оказался в маленьком плюсе – это редкость, обычно я проигрываю. Судя по обилию помарок, пулю мы заканчивали уже под водку, это косвенно подтверждается и огромными числами в горе у каждого. Я попытался приблизительно оценить, сколько мы выпили, и не смог.

Преферанс – очень странная игра. Папа говорит, что с тех пор, как он вживил себе процессор, он больше не может играть в преферанс, ему неинтересно. А я, наоборот, не понимаю, как можно играть в преферанс без встроенного компьютера. Запоминать каждую вышедшую карту – это так утомительно! Кроме того, без компьютера практически невозможно точно рассчитывать вероятности раскладов, приходится пользоваться приближенными формулами, и чаще выигрывает тот игрок, у которого надежнее работает внутренняя оперативная память, и который лучше умеет подсознательно считать вероятности. А когда у игрока есть встроенный компьютер, игроку не нужно запоминать карты и считать вероятности – все это делает компьютер. И если компьютер есть у каждого игрока, преферанс становится похож на покер. Большинство партий играют автоматически, практически без участия мозга, все команды рукам дает компьютер. Самое интересное начинается тогда, когда нужно что-то угадать: снос или вторую масть или что-нибудь еще в этом роде. Или когда нужно сделать так, чтобы твое действие не угадали. Конечно, компьютер всегда предлагает идеальный вариант, но, если ты всегда слушаешься компьютера, противники легко угадывают твои действия и ты проигрываешь. Чтобы выигрывать, надо иногда делать неоптимальные, но неожиданные ходы. И выигрывает в преферансе тот, кто умеет блефовать, когда нужно, и умеет не блефовать, когда это не нужно. У меня это обычно не получается.

Сигарета догорела. Я приказал кофеварке сварить шесть чашек кофе (на трех человек надо варить шесть чашек, почему-то «чашка», в которых кофеварка измеряет количество варимого кофе, равна ровно половине обычной чашки) и, пока она варила, стал вспоминать подробности вчерашнего. Вначале мы пили пиво и играли в преферанс. Потом пиво кончилось, и мы перешли на водку. Потом мы посчитали, кто сколько очков выиграл (на деньги я никогда не играю), и решили, что вторую пулю мы писать не будем. Мы включили три-дэ-видео и стали смотреть дурацкую комедию. Потом я заметил, что комната прыгает перед глазами, причем вниз она сползает медленно, а вверх подпрыгивает быстро, и я понял, что опьянел. Потом я каким-то образом протрезвел, а потом снова напился, да так, что совершенно не помню, как и когда отправился спать. Может быть, заснул, упав мордой на стол, а на диван меня перенесли друзья. Многие любят перед пьянкой приказывать компьютеру записывать все происходящее во внешнюю память, я пробовал так делать, но результат меня разочаровал – когда ты трезвый смотришь на себя пьяного, пьяный кажется трезвому клиническим идиотом. Лучше уж не помнить, что творил прошлым вечером. Но вчера, кажется, произошло что-то, что мне следовало бы вспомнить. Я постарался вспомнить это, но так и не смог.

Кофеварка сообщила мне, что кофе сварено. Я подумал, не следует ли разбудить товарищей, и решил дать им поспать еще. Я налил себе кофе, пошарил по холодильнику, сделал бутерброд с колбасой и начал завтракать. Я запросил компьютер, и он сообщил мне, что около восьми вечера я связался с мамой и сказал ей, что ночевать не приеду. Это хорошо – мои родители вчера волновались не больше, чем обычно в подобных случаях. Я поинтересовался у компьютера, сколько сейчас времени и какие пары мне сегодня предстоят. Когда я узнал, что сейчас почти девять и что второй парой будет семинар по философии, я быстро допил кофе, и попытался разбудить Егора с Пашкой. Они порекомендовали мне пойти в одно отдаленное место и заняться там сексом с самим собой. Тогда я быстро оделся, захлопнул за собой дверь

и отправился в университет. В этом семестре я уже пропустил один семинар по философии, и второй прогул создаст мне очень-очень серьезные проблемы.

* * *

На семинар по философии я опоздал, причем опоздал крайне неудачно. Когда я постучался в аудиторию, господин Отрепьев (это наш семинарист-философ, и это не прозвище, а фамилия) как раз думал, кому бы ему задать очередной философский вопрос. Когда я открыл дверь, повод для размышлений отпал сам собой.

– Можно войти? – робко спросил я.

– Можно, – сказал Отрепьев и тут же спросил, – как вы думаете, господин Гончаров, бог есть?

Я как шел к своему месту, так и застыл. Такой вопрос, будучи задан неожиданно, может сбить с толку любого человека, а на меня, все еще страдающего от похмелья, он подействовал поистине ошеломляюще. Потом я вспомнил, что одна из последних лекций была посвящена Фоме Аквинскому, и приободрился. Пару лет назад я ощутил интерес к религиозной философии, и за то время, пока этот интерес не угас, я успел ознакомиться с трудами нескольких околорелигиозных философов. Так что эту тему, как ни странно, я знал.

Я подошел к своему столу, повесил сумку на стул, повернулся лицом к преподавателю и ответил, стараясь говорить внятно, как хороший студент, а не сумбурно и неразборчиво, как человек, не успевший прийти в себя после недавнего переполя:

– Думаю, что бог есть. Впрочем, с другой стороны, проверить это невозможно – если бы бога не было, его бы придумали. А если бог есть, я не думаю, что возможно понять его настолько, чтобы это привело к каким-либо практическим последствиям. Поэтому вопрос о бытии бога не то чтобы неактуален, но... является второстепенным, что ли.

Когда я все это проговорил, мне показалось, что ответ на вопрос сформулирован мною великолепно, и я искренне удивился, когда аудитория заулыбалась. Отрепьев тоже улыбнулся и спросил меня:

– Значит, доказательства бытия божьего, сформулированные Фомой Аквинским, вас не убеждают?

– Во-первых, там множество логических ошибок...

– Приведите пример.

– Например, Фома Аквинский говорит «каждое движение имеет свой двигатель, и, значит, самое первое движение имело свой перводвигатель, и этот перводвигатель и есть бог». Но, согласно механике даже не Эйнштейна и даже не Ньютона, а Галилея, движение возможно и без двигателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.